

УДК: 82.

**КРИВАЯ ЭМОТИВНОГО СМЫСЛА «ВОЛНЕНИЕ» В СТРУКТУРЕ
ПЕРСОНАЖА (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ПЕРЕВОДА РОМАНА
ЧИНГИЗА АБДУЛЛАЕВА «ЕГО ПОДЛИННАЯ СТРАСТЬ»)**

д.ф.но ф.н. Аббасова Ульвийя Вагифовна

*Проректор по международным связям Азербайджанского государственного
университета нефти и промышленности*

u.abbasov.a@asoiu.edu.az

Аннотация: В данной статье проводится лингвистический анализ эмотивного смысла «волнение» в структуре персонажа детектива Дронго на материале английского перевода романа Чингиза Абдуллаева «Его подлинная страсть». Исследование направлено на выявление и описание специфики эмотивной лексики, связанной с волнением, и её роли в передаче эмоционального состояния героя. Через детальное изучение лексических и синтаксических конструкций текста, а также их эквивалентов в переводе, анализируются ассоциативные связи, которые способствуют глубже раскрытию внутреннего мира персонажа и его взаимодействия с сюжетом. Результаты исследования демонстрируют, что эмотивная лексика играет важную роль в формировании эмоционального контекста произведения, а также в динамике развития сюжета. Обращается внимание на то, как выбор слов в переводе может значительно влиять на восприятие эмоциональной нагрузки текста и авторского замысла. Исследование подчеркивает важность точного перевода, который сохраняет не только лексическое значение, но и эмоциональную окраску оригинала. Таким образом, работа вносит вклад в изучение лексической и стилистической составляющей художественного текста, а также в понимание роли перевода в литературе.

Açar sözlər: emosional leksika, “həyəcan” konsepti, ədəbi tərcümə, leksik amillər, söz seçimi, sintaksis, mətnşünaslıq.

Ключевые слова: эмотивная лексика, концепт «волнение», художественный перевод, лексические конструкции, выбор слов, синтаксис, текстология.

Keywords: emotive vocabulary, concept of “anxiety,” literary translation, lexical constructions, word choice, syntax, text ology.

Введение. В художественной литературе эмоции играют ключевую роль в формировании персонажей и развитии сюжета. Они не только отражают внутренний мир героев, но и влияют на их взаимодействие с окружающей действительностью. В данной работе рассматривается эмотивный смысл «волнение» в структуре персонажа детектива Дронго на материале английского перевода романа известного азербайджанского писателя Чингиза Абдуллаева «Его подлинная страсть». Исследование направлено на анализ лексики и синтаксиса, используемых автором для передачи эмоций, а также на выявление способов, которыми переводы могут влиять на восприятие эмоциональной окраски текста.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью более глубокого понимания роли эмотивной лексики в художественном тексте, а также важностью точного перевода, который может сохранить или, наоборот, исказить авторский замысел. Литературный перевод, особенно художественный, представляет собой сложный процесс, требующий от переводчика не только знания языка, но и умения передать тончайшие нюансы эмоций и смыслов. В этом контексте анализ переводов

позволяет выявить проблемы, возникающие при передаче эмотивных значений, и наглядно продемонстрировать, как различные лексемы могут формировать различные эмоциональные состояния.

Целью данного исследования является выявление и анализ специфики эмотивной лексики, связанной с волнением, в романе Абдуллаева и её отражение в английском переводе. В ходе работы будет использован лексический и семантический анализ текста, что позволит глубже понять динамику эмоционального состояния персонажа и его влияние на развитие сюжета. Таким образом, исследование направлено на расширение знаний о художественной лексике и её функциях в литературном тексте, а также на выявление значимости точного перевода в передаче эмоциональной нагрузки произведения.

Лингвистический анализ романа широко известного азербайджанского писателя Чингиза Абдуллаева «Его подлинная страсть» приводит к убеждению, что в его англоязычном варианте эмотивная лексика плавно «перетекает» из одного фрагмента в другие, тем самым указывая на наличие определённого смысла. Иногда они ассоциативно напоминают цепочку синонимов. И в этом ряду, как правило, находится одно стержневое слово, оказывающееся в наиболее сильной позиции. Это подтверждается разными перепадами душевно-эмоционального состояния центрального действующего лица – детектива Дронго. В частности, в настоящей статье мы сосредоточим главное внимание на усилении эмотивного смысла «волнение» этого персонажа. Оно приобретает различные формы, модифицируется, отражаясь в соответствующей лексике. Дронго ведёт расследование, и в структуре этого персонажа нарастающее волнение за успех/неуспех начатого предприятия симптоматично переходит в тревогу за судьбы преданных ему людей. Это Эдгар Вейдеманис и Леонид Кружков. Тем самым эмотивная лексика с вышеуказанным ключевым смыслом помогает более глубокому раскрытию содержания романа.

Методы и материалы. В данном исследовании используется лингвистический анализ английского перевода романа Чингиза Абдуллаева «Его подлинная страсть» для выявления и описания эмотивного смысла «волнение» в структуре персонажа детектива Дронго. Исследование основывается на текстовом анализе, который включает в себя детальное изучение лексики, синтаксических конструкций и эмоциональной окраски диалогов и монологов, отражающих изменение душевно-эмоционального состояния главного героя. Для этого используется метод семантического анализа, который позволяет отследить, как различные слова и фразы, относящиеся к эмоциям, пересекаются и создают смысловые связи между собой.

Материалы исследования включают в себя оригинальный текст романа и его перевод, а также вспомогательные лексикографические источники, такие как англо-русские и русско-английские словари, которые помогают определить точные значения и эмоциональные коннотации ключевых слов. Анализ проводился через призму теоретических работ в области стилистики и лингвистики, что позволяет глубже понять, как эмоции, такие как «волнение», выражаются и воспринимаются в разных языковых контекстах.

Основная часть исследования. Так, в эмотивный смысл «волнение» входит следующая специфическая лексика: волноваться, встревожиться, тревожиться, изнервничаться и некоторые другие. А также вошли имена существительные, образованные от вышеперечисленных глаголов. Основным сигнализатором приведённой цепочки эмотивной лексики служит «тревога», употреблённая автором в максимально сильной позиции. Всевозможные вариации этого слова наблюдаются на

протяжении всего произведения.

Итак, новое дело начинается с ощущения пустоты и опасности. Первое волнение Дронго в этой части повествования возникает сразу же по факту прилёта во Францию, где и будут разворачиваться главные события. Характерно, что волнение за судьбу друга – Леонида Кружкова передаётся и напарнику Д. – Эдгару Вейдеманису¹.

Drongo: «O, Veidemanis, you think he's got a problem with his phone?»

«No, that why I'm so worried», Veidemanis said. If I hear anything, I'll let you know» [8, с.36].

К такому переводу в плане отражения эмотивной семантики у нас есть серьёзная поправка. Всем ходом повествования Ч. Абдуллаев даёт ясно понять, что техническая сторона предприятия его не интересует по причине полной абсурдности. Проще сказать, Д. никогда не верил в то, что у Л.К. могут быть «проблемы со связью». В реальности автор ставит вопрос совершенно в иной плоскости: отчего так неожиданно взволновался герой? Оказывается, проблема заключается в принципиальной невозможности Л.К. созвониться с Д. ввиду драматических событий. Поэтому, на наш взгляд, следовало вместо «You think he's got a problem with his phone?» употребить другое выражение: «He is unable to phone», адекватное авторскому замыслу, отвечающее подлиннику и – самое главное – объясняющее причину волнения Д.

О том, что переводчик не вполне разобрался в подлинном волнении Д., свидетельствует подтверждение со стороны его соратника Э.В. «Похоже, что у нас действительно есть вполне реальные причины для особенных тревожений. Мне думается, что с Леонидом Кружковым, наверняка, произошли какие-то неприятности. У него ведь всегда под рукой имеется с собой запасная «сим-карта». И вообще уверен, что никаких сугубо технологических проблем у него быть не должно. Он достаточно умён и сметлив для того, чтобы просто позвонить из Парижа из любой будки или же купить евро-телефон и карточку» [1, с.53]. На это замечание, по всей видимости, переводчик не обратил должного внимания.

Показательно, как в разных частях текста ключевая эмоция волнения, на которой сосредоточено всё внимание автора, очень тесно связана с другими, смежными. Волнение возрастает, переходя в реальную тревогу. Причём, воплощается она в разных формах, точнее, как в диалогических репликах, так в монологах и связном тексте, с применением различных грамматических и лексико-синтаксических средств.

Типичным образцом может, по нашему мнению, служить следующий фрагмент: «What's happened to Leo, really wondered Drongo. 'Are things really so bad that he can't even call?» [8, с.37]. Данный контекст – пример с внутренней неразвёрнутой речью героя, которая прорывается в повествование автора о двух соратниках Д. – Л.К. и Э.В. Дронго предчувствует неприятности, и фраза «...неужели всё настолько плохо, что он так и не смог позвонить» фиксирует момент постепенного усиления душевно-эмоционального переживания героя. Небезынтересно заметить, что лингвист В.П. Абрамов подобного рода «фразы-откровения» именуется «контекстами, включающими в себя ряд не спровоцированных высказываний особого, мета-текстового характера. Чаще всего они вызваны стремлением говорящего для самого себя пояснить значение того или иного слова, выражения. В качестве подтверждения учёный называет вопросы, типа «Почему так называют?», «Отчего такое могло произойти?» «Что же всё-таки случилось?» [2, с.54-55]. И т.п. В английском переводе укажем также на уместный

¹ В дальнейшем для удобства в настоящей статье будут использованы литеры Д., Э.В. и Л.К. соответственно.

повтор слова «really». Это не тавтология, строящаяся по принципу «масляное масло», но подтверждение глубокого беспокойства Д. по поводу отсутствия Л.К.

Наконец, Дронго отваживается на более решительный шаг. Интуитивно понимая, что от собственных сомнений и тяжёлого личного ощущения драмы положительного результата не будет, персонаж уже напрямую обращается с нелюбимым разговором к заказчикам расследования. (Кстати, по мысли Ч. Абдуллаева, высказанной им в широко известном романе «Голубые ангелы», «интуиция – это продукт сознания»).

«- I'm worried about my assistant», Drongo admitted. «He hasn't answered his phone for several hours. And I'm pretty certain his silence is somehow connected with your conspiratorial organization» [8, с.41].

Но, по мысли автора, для Дронго, конечно, было бы ниже его достоинства ограничиться подобным признанием. Поэтому от слов он, как говорится, переходит к делу, точнее сказать, к выражению прямых инвектив в адрес как предстоящей операции, так и одного из заказчиков лично. И уже в следующий ряд эмотивной лексики вступает «угроза». Постепенно она приобретает более неприкрытый характер. Отметим, что «угроза» как эмотивный смысл стоит в одном ряду с «волнением», представляя его своеобразную модификацию. На этот факт, в частности, обратили внимание известные современные лингвисты – Л.Г.Бабенко и Ю.В.Казарина [4, с.124].

Показательно, что эмотивная лексика сопровождает действия, а также регулирует настроение и некоторых других героев произведения. Цитируемое на английском языке является беседой, которая происходит между Д. и одним из подельников адвоката Зорина – профессором Итонского университета Кевином Лоусоном. И по ходу повествования становится заметным, что беседа ведётся в весьма напряжённой атмосфере. В регулятивную по своему назначению речь Д. привносятся такие серьёзные угрозы, которые ставят под сомнение всё дальнейшее участие героя в расследовании. На слабые попытки Лоусона отвести от себя удар («Why do you think we're to blame for your assistant's silence?») Д. отвечает гневной отповедью:

«I don't think, I know, Mr. Lawson. He was at the airport for my arrival, but he didn't approach me and we didn't speak on the phone. Then he followed me to the Gare du Nord where he surprised me be going quiet and then disappeared. You have to agree that a have every reason to suspect your organization of involvement in his disappearance. I just hope not in his elimination. If he has been eliminated, you can tell the driver to turn round. I won't work with you under any circumstance. Even if the sum on my credit card increased by another zero» [8, с.41-42].

К этому отрезку речи у нас достаточно большие претензии. Переводчик² допускает серьёзные грамматические, стилистические и лексико-семантические ошибки, граничащие, на наш взгляд, даже с искажением подлинника. Причём, неточности нас волнуют в той степени, в какой они отражают употребление именно эмотивной лексики. Во-первых, в тексте произведения сказано, что Дронго категорически отказывается продолжать работу в случае устранения его друга Леонида Кружкова. В первоисточнике: «Я не стану с вами работать ни при каких условиях». В английском же переводе получается, что он не хочет с ними работать.

Особо подчеркнём: когда речь идёт об использовании автором (или героями его устами) эмотивной лексики, то в центр внимания исследователей нередко ставится

² Примечание: перевод романа Чингиза Абдуллаева «Его подлинная страсть» осуществлён Анной Томпсон-Ахмадовой.

степень экспрессивности. И фактор оценочности в таких случаях признаётся важнейшим. Видны современный языковед И.А.Стернин фиксирует: «Исходя из коммуникативной модели лексического значения, можно предположить, что аспект семантики образного слова, актуализированный его внутренней формой, важен и актуален и в речевом высказывании прежде всего по степени выражения экспрессивности. Более того, он также может быть по названной линии задействованным в процессе коммуникации и «нейтрализоваться» в контексте. Если речевой контекст, в котором употребляется образное слово, и «внутрисловный» контекст, задаваемый пропозицией, представленной в сильной позиции этого слова, совпадают, то в этих случаях чаще и возникает экспрессивный или эстетический эффект» [7, с.134-135].

По нашему предположению, такой экспрессивный и эстетический эффект одновременно в максимальной мере и достигается благодаря категорическому отказу Д. Здесь проявляется высшая степень эмоционального накала, своего рода кульминация экспрессии. А в переводе, напротив, минимальная степень в отказе («не хочу», то есть, просто нет желания).

Здесь, как нам представляется, возможны как минимум два варианта альтернативной замены. 1). «I would never to work with you». 2). «I don't work with you at all». (Возможны и другие варианты, но они, скорее всего, будут дублировать названные). Далее, совершенно необоснованно пропущена вторая фраза фрагмента – «Я в этом уверен». Причём, очевидно, что это не только естественное подтверждение слов Д., но и «последнее предупреждение» Лоусону. Хочется также добавить: в большинстве случаев, в других фрагментах текста романа читатель сталкивается с формулой: «I'm sure», что в принципе верно. Однако внимательное прочтение английского перевода показывает, что Дронго почти всегда добавляет: «Уверен в своей правоте». Это подводит нас к мысли, что вместо «I'm sure» целесообразнее перевести: «certitude of being in the right». И третье замечание: выражение «Where he surprised me» здесь совершенно не к месту, так как Леонид Кружков никого удивлять не собирался. И хотя данная лексема также заряжена эмоциональным смыслом, тем не менее её, во-первых, нет в русском тексте, во-вторых, она не характерна для поступков этого персонажа.

Таким образом, в цитированном фрагменте несовпадений с подлинником очень много, и они, по нашему убеждению, существенно сужают эмотивное пространство художественного текста в плане выражения «волнения» и его последствий. После заявленного Д. ультиматума Кевин Лоусон пытается защищаться. Но делает он это крайне неуклюже и неуверенно.

«It's your own fault», said Lawson firmly. «You were warned not to take such action» [8, с.42]. На что незамедлительно последовала реакция Д. «What action exactly? I haven't broken my rules... (вновь напрашивается постпозитивное «at all»). And my friend suddenly missing. You have to agree that it's not the best way to begin our collaboration» [8, с.42].

Что может возразить на это К. Лоусон? Практически ему нечего сказать. Поэтому последовало: «Lawson was quiet. When we get there, I'll make some enquiries and try to find out who was interested in your assistant» [8, с.42].

Как подчёркивает Ч.Абдуллаев, «слабое утешение для Дронго, но что может сделать Кевин Лоусон в такой ситуации, когда сыщик отобрал у него все козырные карты». Автор так мастерски выстраивает цепочку эмотивных смыслов, от беспокойства – к большому волнению, от них к тревоге и, наконец, прямым угрозам,

что у Кевина Лоусона, по словам писателя, оказывается почва выбитой из-под ног. Заметим также, что, по сведению некоторых лингвистов (Э.С.Азнаурова, Е.О.Айзенштейн, Н.Л.Акуленко и других) в художественных текстах эмотивные лексемы, типа «беспокойство», «волнение», «тревога» и т.п. нередко сопровождаются «испугом» лица, от которого они исходят. Но это объективно говоря, совершенно не тот случай. Тактика и стратегия Дронго – не защищаться, а нападать. Ч.Абдуллаев осознанно нагнетает краски, намеренно сгущая их по принципу «снежного кома». Через пару страниц текста угроза Д. повторяется и становится всё более агрессивной.

«And you should understand my concern for someone with whom I've worked for many years. I want to warn you once more that if my assistant dies, then any cooperation with you is impossible, now or ever again. I'm even ready to return the money you paid for my tickets and to pay for me stay in the Dorchester myself» [8, с.42-43].

Итак, осознавая своё «моральное поражение и внутренне соглашаясь с обоснованным беспокойством Д., Кевин Лоусон мог ответить лишь лаконично: «That's powerful response».

Однако, прежде чем обратиться к переводу вышеприведённого фрагмента, считаем необходимым сделать небольшое теоретическое отступление. В ряде художественных текстов иногда можно встретить единичные (частные) эмотивные смыслы, которые благодаря именно своей частности приобретают выразительность, яркую стилистическую окраску. В таких случаях эти смыслы (лексемы) в сущности выходят за границы единичного (частного) контекста. Вместе с тем нельзя не признать, что, извлекая из художественного текста эмотивную лексику и рассматривая её изолированно, исследователь получает лишь поверхностное, приблизительное представление о её наборе. В последнем случае автоматически нивелируется их многообразие и разнотипность, исчезает поли-тональность. Они представляются учёным, напротив, как однотипные и моно-тональные.

Обсуждение. На наш взгляд, это проблема не только собственно лингвистическая. Чтобы показать реальное многообразие эмотивных смыслов, переводчик должен учитывать их повторяемость и частотность в аспекте увеличивающейся маркированности. За подтверждением сказанного обратимся непосредственно к последнему цитированному на английском языке речевому отрезку. В свете отмеченного слово «concern» здесь явно не «дотягивает» до той степени волнения, которое испытывает Д. Это слово входит в обиходно-разговорный лексикон и, согласно статьи Англо-русского словаря, означает «заботу» о ком-либо, «опеку», «понимание», «огорчение» [3]. И лишь на последней ступени этой эмотивной лексики указано «беспокойство». К тому же добавим, что без инфинитива «to feel – about...» это слово тем более утрачивает контекстный смысл.

Это тот самый случай, когда переводчик должен был ясно представить себе цепь многократного употребления этой лексемы с главными эмотивными смыслами «волнение» и «тревога». В настоящем отрезке речи она достигает, пожалуй, своего апогея. Чем же заменить данную лексему? На помощь приходит «Русско-английский словарь». В нём, кстати, вообще нет указания на «concern». А в контексте романа оно тем более выбивается из общего строя эмотивной лексики.

Итак, «Русско-английский словарь» предлагает следующие варианты: 1). Anxiety. 2). Uneasiness. 3). Anxiously. 4). Worry. 5). Trouble. [6] «Worry», по всей видимости, вообще следует отбросить. В весьма расхожем выражении «Don't worry» - «не беспокойся» всегда звучит оттенок разговорной речи или даже иронии. Но первые две лексемы, бесспорно, глубже отражают степень эмоциональной дисгармонии в душе Д.,

что, разумеется, ближе и к подлиннику. Остальной текст можно считать вполне удачным, так как выражение «now or ever again» фактически ставит последнюю точку в угрозе Д. бросить начатое расследование.

Этот случай лишний раз подтверждает незыблемое правило: важная роль в репрезентации эмотивных значений слова принадлежит контексту, в котором это слово функционирует. Контекст, реализующий одну лексему (как в данном случае), так и несколько подряд идущих в математической прогрессии в полном объеме, включая и семы ассоциативного содержания, можно рассматривать в качестве дополнительного средства выражения образности как лексической категории. Употребление такого рода лексем в художественном произведении тем более демонстрирует факт осознания его основного значения носителями другого языка. Ведь в высококачественном переводе таких лексем реализуются всевозможные способы актуализации его ассоциативного и экспрессивного содержания на текстовом уровне.

Вернёмся к тем лексемам, которые характеризовали пик эмоционального накала волнения в структуре персонажа Д. Постепенно по ходу повествования мы замечаем, как улеглась боль Дронго; беспокойство окончательно прошло, когда ему официальное лицо сообщило: «Можете не волноваться. Ваш друг и соратник Леонид Кружков жив и здоров. Завтра его посадят на самолёт, отправляющийся в Москву» [1, с.73]. И с этого момента повествование решительно меняет свой как художественный, так и структурный ракурс. Тревога личностного характера отошла на второй план, однако, её место заняли уже другие признаки и соответственно иные лексемы. Не зря ведь роман называется «Его подлинная страсть». Следовательно, к этой эмотивной лексике должны быть привязаны и другие. Подчеркнём: «волнение», «беспокойство», «тревога» и «тайна» были своего рода прелюдией к началу расследования. А следствием становятся уже другие лексемы. Так, по ходу действия выясняется, что они играют ещё более важную роль в структуре как персонажа, так и в сюжете произведения. Автор, понятно, обязан оправдать название романа. Это, разумеется, налагает ответственность и на переводчика. Становится также ясно, что основные трудности расследования ждут Д. впереди.

«No detective in the world had ever tackled such an extraordinary job. Drongo frowned. It was impossible to refuse the job, and it was impossible to complete it too» [8, с.68].

Перевод предельно точный и, думается, что ни у кого из специалистов-англоведов он не может вызвать замечаний. Наша задача состоит в другом: зафиксировать внимание на специфической расчлененности синтаксической конструкции. Речь идёт о расчленении одной фразы на две самостоятельные синтаксические единицы, передаваемые переводчиком повтором выражения «It was impossible». Но этот повтор необычный. Надо признать, что с такого рода повтором редко встречаешься в художественных текстах (а в научном языке он вообще практически неприменим). **С одной стороны**, эмотивный смысл «сомнения» в реальности выполнения поставленной задачи передаётся смешением классической формы размышлений, больше подходящих для диалога, с внутренней речью. Переводчик, на наш взгляд, верно рассчитал, что при данной лингвистической конструкции нецелесообразно прибегнуть к использованию синонимичных повторов. В том же романе, между прочим, найдена другая синонимичная форма для выражения эмотивного смысла: «Like delicious» (как хорошо, или как чудесно), и «enchanted» (очаровательно). Оказывается, указание на сходство, аналогичность чувств можно выразить разными способами при повторах. Важно, во-первых, чтобы это ясно понял читатель, во-вторых, повторы в художественных текстах должны приобретать акцентирующую функцию.

С другой стороны, этот повтор необычен своей парадоксальностью. Одно выражение в постпозиции отрицает аналогичное в препозиции. Казалось бы, логику не отыскать, и центральный персонаж на какое-то время сомневается в собственных чувствах, точнее, в возможности разрешить столь трудоёмкую задачу. Однако на помощь приходит автор, который устами другого персонажа (работодателя) говорит: «We were assured that you a magician, maestro», the former secretary of state said drily. «And when we came here you demonstrated such skill and mastery that we were left in no doubt» [8,66].

Невооружённым взглядом видно, как решение сложной задачи связано с употреблением многообразной эмотивной лексики. Прежде всего, это слово «magician» («волшебник»), с высоким рангом эмоциональности. Отрадно, что у переводчика не возникло соблазна привести другие синонимичные значения. Например, «conjurer», «trickster» или «illusionist». Первое имеет оттенок артистичности; второе употребляется в разговорном стиле речи как «ловкач» или «трюкач»; третье связано с профессией фокусника, а также используется в значениях «мечтатель», «фантазёр». Нетрудно видеть, что ни одно из трёх значений абсолютно не подходит к характеру Д. и соответственно не отражает степени его волнения. Далее, «We were left in no doubt» говорит нам об отсутствии сомнений в высоком профессионализме Д.

Итак, подытожим: когда беспокойство и тревога за судьбу Л.К. прошли, у Д. появилась возможность трезво оценить создавшуюся ситуацию. Обида постепенно уступила место холодному расчёту, раздражение и озабоченность сменились полярными тональностями, как-то, спокойствие, чувство уверенности в своих силах и дальнейших действиях. Ранее злоба брала верх («ненужная и абсурдная секретность, злился Дронго»); теперь он мог размышлять с завидным спокойствием. Так, в качестве обобщения от имени Д. прозвучало: «Thank you», said Drongo. «You've reassured me», 8, p. 47). И далее Д. удостоверяет, что для него уже фактически не существует тайны как таковой. На вопрос о том, догадывается ли детектив об организации, с которой ему в будущем предстоит вести уголовное расследование, Д. твёрдо отвечает: «I saw the sign with the name of the country. I think it would be possible to work out who invited me here and why, and what organization you present» [8,48]. Можно сказать, что тайны более не существуют.

В какой-то определённый момент Д. интуитивно почувствовал, что чаша весов склоняется на его сторону, и в острой политической игре он может одержать реванш. С этой целью персонаж избирает тактику открытого и провокационного вмешательства в суть расследования. Если детектива против собственной воли втянули в это дело, окружив атмосферой полной секретности (которую, как видим, он называет «несуразной и абсурдной»), то срабатывает рефлекс, а именно, возникает ответная негативная реакция. Это своего рода психологический «эффект бумеранга». Суть его заключается в том, чтобы выдвинуть на центральное место одни эмотивные лексемы, затенив другие, которые ранее были центральными и соответственно составляли предмет наибольшего беспокойства и волнения в структуре персонажа, то есть Дронго. Языковед Е.С.Кубрякова относит такую процедуру к специфическому концептуальному анализу, основу которого составляет многокомпонентность. Она, в свою очередь, представляет собой такое пространство художественного текста, в котором возникают новые значения, понятия и ассоциации, имеющие как ядро, так и периферию. К ядру учёный относит новые лексемы, которые в художественных текстах формируются на синтагматической основе и потому имеют синтагматическую природу. Вследствие такого явления процесс концептуализации, который осуществляется на

материале художественных текстов, обладает особой спецификой. В чём же она заключается? Эмотивное пространство начинает формироваться уже на более высоком уровне. Во-первых, на базе ранее употреблённых и вводимых заново в контекст слов формируется уже не одна, а несколько микро-тем. Во-вторых, как подчёркивает Е.С.Кубрякова, «происходит естественное слияние, сближение и стяжение наиболее общих признаков, репрезентируемых в основном на внешнем уровне художественного текста словами, выражениями или предложениями из одной семантической сферы. И такое положение, - продолжает учёный, - напрямую обуславливает цельность всей концепто-сферы художественного текста» [5, с.111-112].

На наш взгляд, подобное происходит и в романе Ч.Абдуллаева «Его подлинная страсть». Когда в периферию отошли, по терминологии Кубряковой, прежние концепты беспокойства, волнения, тревоги и тайны, то ядро отныне составляют «догадка» и «прозорливость», базирующиеся уже на основе изменившейся обстановки, притом явно в пользу не работодателей, а главного персонажа. При этом, желая некоторым образом наказать своих соперников, Д. пытается спровоцировать новую ситуацию, естественно, подстраиваясь под свои интересы, но всецело соблюдая светские приличия и этикет. К примеру: «Your Majesty, please assurances of my deepest respect», Drongo rose from his chair» [8, с.56] и т.д. Аналогичных примеров этому в тексте романа много. На языке политики это называется «строить хорошую мину при плохой игре». Однако в настоящем случае она продиктована обстоятельствами, грубо навязанными Д. извне. Нетрудно видеть, какой каскад эмотивной лексики порождает их стержневой смысл «волнение».

Выводы. Исследование эмотивного смысла «волнение» в структуре персонажа детектива Дронго в английском переводе романа Чингиза Абдуллаева «Его подлинная страсть» приводит к следующим выводам:

В ходе анализа выявлено, что эмотивная лексика, связанная с волнением, плавно переходит из одного фрагмента текста в другой, создавая ассоциативные связи и усиливая общее эмоциональное восприятие произведения. Это указывает на наличие устойчивых смысловых цепочек, которые помогают читателю глубже понять внутреннее состояние персонажа.

Контекст, в котором используются эмотивные лексемы, играет ключевую роль в их интерпретации. Исследование показывает, что замена одних слов другими в переводе может значительно изменить восприятие эмоциональной нагрузки текста. Это подчеркивает важность точного выбора лексики в переводе для сохранения авторского замысла и эмоционального акцента.

Эмотивное состояние Дронго эволюционирует от беспокойства и тревоги к более агрессивным формам, таким как угроза. Это отражает не только его личные переживания, но и динамику сюжета, в которой напряжение нарастает, подчеркивая важные моменты развития расследования.

Различия в переводе, касающиеся эмотивной лексики, могут снизить эмоциональную выразительность и затушевать ключевые аспекты повествования. Это подчеркивает необходимость внимательного подхода к переводу художественной литературы, где важно сохранять не только лексическое значение, но и эмоциональную окраску оригинала.

Анализ эмотивной лексики позволяет глубже понять сложность и многогранность персонажа Дронго, его внутренние конфликты и развитие, а также их влияние на его действия и взаимодействие с другими героями. Это способствует более полному восприятию художественного текста как целого.

Литература

1. Абдуллаев Чингиз. Его подлинная страсть. Роман. М.: Издательство «Э», 2018, 318 с.
2. Абрамов В.П. Синтагматика семантического поля (на материале русского языка). - Ростов-н/Д: Изд-во Ростов, ун-та, 1992, 108 с.
3. Англо-русский словарь. М.: Русский язык, 1992, 843 с.
4. Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. М.: Наука-Флинта, 2006, 496 с.
5. Кубрякова Е.С. Категоризация мира: пространств и время. М.: Наука, 1997, 210 с.
6. Русско-английский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1970, 1052 с.
7. Стернин И.А. Семантическая основа экспрессивного словоупотребления // Проблемы экспрессивной стилистики. - Ростов н/Д, 1987, с. 133-137.
8. Abdullayev Chingiz. His greatest passion. Baku: TEAS Press Publishing House, 2018, 225.

**“HƏYƏCAN” EMOTIV SEMANTİKASININ PERSONAJIN STRUKTURUNDA
TƏHRİFİ
(ÇİNGİZ ABDULLAYEVİN “ONUN HƏQİQİ EHTİRASI” ROMANININ
İNGİLİSCƏ TƏRCÜMƏSİ ƏSASINDA)**

f.ü.f.d.Abbasova Ulviyyə Vaqif qızı

Xülasə

Bu məqalədə Çingiz Abdullayevin “Onun həqiqi ehtirası” romanının ingiliscə tərcüməsi əsasında xəfiyyə Dronqo obrazının strukturunda “həyəcan” emotiv mənasının təhlili təqdim olunur. Araşdırma həyəcanla bağlı emotiv leksikanın spesifikasiyasını müəyyən etmək və təsvir etmək, həmçinin bu leksikanın qəhrəmanın emosional vəziyyətinin çatdırılmasındakı rolunu öyrənməyə yönəlib. Mətndəki leksik və sintaktik amillərin, eləcə də onların tərcümədəki ekvivalentlərinin detallı öyrənilməsi vasitəsilə, personajın daxili dünyasını və onun süjetlə qarşılıqlı əlaqəsini daha dərinlən açan assosiativ əlaqələr analiz edilir. Araşdırma nəticələri emosional leksikanın əsərin emosional kontekstinin formalaşmasında və süjetin inkişaf dinamikasında mühüm rol oynadığını göstərir. Tərcümədəki söz seçiminin mətndəki emosional yükün və müəllifin niyyətinin qavranmasına necə əhəmiyyətli təsir göstərə biləcəyinə diqqət çəkilir. Tədqiqat, yalnız leksik mənanı deyil, həm də orijinalın emosional tonu qoruyan dəqiq tərcümənin əhəmiyyətini vurğulayır. Beləliklə, bu elmi araşdırma ədəbi mətnə leksik və üslubi komponentlərin öyrənilməsinə və tərcümənin ədəbiyyatdakı rolunun vacibliyini vurğulanması sahəsində xüsusi əhəmiyyət kəsb edir.

**THE CURVE OF THE EMOTIVE MEANING “ANXIETY” IN THE
STRUCTURE OF THE CHARACTER
(BASED ON THE ENGLISH TRANSLATION OF CHINGIZ ABDULLAYEV’S
NOVEL “HIS TRUE PASSION”)**

Abbasova Ulviyya Vagif

Abstract

This article presents a linguistic analysis of the emotive meaning “anxiety” in the structure of the character Detective Drongo, based on the English translation of Chingiz Abdullayev’s novel “His True Passion”. The study aims to identify and describe the specifics of the emotive vocabulary related to anxiety and its role in conveying the emotional state of the hero. Through a detailed examination of the lexical and syntactic constructions of the text, as well as their equivalents in the translation, associative connections are analyzed that contribute to a deeper understanding of the character's inner world and his interaction with the plot. The results of the study demonstrate that emotive vocabulary plays an important role in shaping the emotional context of the work and in the dynamics of plot development. Attention is drawn to how word choice in translation can significantly affect the perception of the emotional weight of the text and the author’s intent. The research emphasizes the importance of accurate translation, which preserves not only the lexical meaning but also the emotional tone of the original. Thus, this work contributes to the study of the lexical and stylistic components of literary texts, as well as to the understanding of the role of translation in literature.

Rəyçi: dosent Könül Əzizə qızı Həbibova

ADNSU-nun Azərbaycan dili kafedrasının 19 sentyabr 2024-cü il tarixli iclasın 07 sayılı protokolu

Daxil olma tarixi 20 sentyabr 2024-cü il